

П

перед его устремленным в прищуре взглядом поднимаются из глубин веков высокие и покатистые в сторону Дона меловые холмы. Они напоминают головы застывших в одной шеренге гигантских слонов. Первые лучи восходящего солнца скользили по этим головам и упирались в небольшой скверик, где перед окнами сельского совета на кирпичной тумбочке располагался бюст Ильича. Вождь мирового пролетариата молчаливо наблюдал за ходом событий в деревенской жизни. Оживи он хоть на короткое время, чтобы объяснить людям, в какую страну они направлялись, а в какую пришли, было бы полезно всем.

По другую сторону сельсовета, на усадьбе разрушенного в войну монастыря, белела надмогильная пирамидка с пятиконечной звездочкой. Там похоронили первого председателя местного колхоза. Суровым человеком показал себя. Не позволял разбазаривать общественное добро, неуступчивым оказался для всяких прохиндеев. И получил вилы в грудь.

У входа в сельсовет, напротив двери, размещался на двух столбах красный пожарный щит. На нем были прицеплены красные инструменты: багор, топор, лопата, лом и коническое, как колпак, ведро. Однажды совет упразднили, а инструменты потихоньку растащили. Оставался один

топор. И только лишь потому, что действующий здесь депутат, живший рядом, постоянно брал его, рубил им дрова и возвращал на место.

А еще за углом сельсовета работала школа. Ребяtnю обучали и обязательным наукам, и правилам жизни в коллективном мире.

Когда приезжие мастеровые люди устанавливали бюст вождя, их окружили школьники. Один любопытный мальчишка поинтересовался, а зачем в деревне памятник? Мастеровой ответил просто: а чтобы жители помнили, кто хотел и старался, чтобы трудовой народ стал счастливым.

Любопытный мальчишка указал мастеровому на белую пирамидку со звездой и спросил:

— А это памятник?

— Конечно, — ответил тот и добавил, что вот вырастешь, станешь знаменитым и в твою честь поставят красивый бюст рядом с этим. И он погладил ладонью голову Ильича. А потом о чем-то подумал и продолжил: — Как станешь знаменитым, а твой сын подойдет к бюсту, оглядит со всех сторон, скажет, смотрите-ка, какая важная персона. И произнесет слова благодарности за труды твои и достижения.

Мастеровой указал рукой на пирамидку и задал вопрос мальчишке, не знает ли он, кто там, под звездочкой?

— Знаю, — ответил тот, — там мой дедушка.

— Какая неожиданность, — удивился мастеровой и спросил имя собеседника.

— Да это Жук, — закричали другие пацаны. — Он — Жук...

* * *

Последний рейс Жук завершил перед рассветом. Уже и дороги стали непроезжими, и светает рано, и следы на земле отпечатываются, словно буквы на бумаге. В потемках, как обычно, не зажигая фар, разгрузил кузов. Свалил у стены бревнышки для завершения третьего этажа, накрыл их куском черного целлофана. Все. Главная задача решена. Задумывал до Пасхи обеспечить стройку добытыми своими руками материалами — сделал. Подфартило. Время смутное, злое, но удобное для исполнения самых крутых замыслов. Глупо не ловить рыбу в мутной воде, когда всюду торчат ее хвосты. Да и грех упускать такую редкую возможность, когда за деревней через широкую реку начали поднимать крупный мост.

Сколько же повезли всего дельного! Разложили по берегам. Выбериай нужные тебе предметы и размеры. Смешно вспомнить, как ночной сторож Кеша таскал по утрам домой тяжеленный рюкзак с магарычами. Сам он не злоупотреблял, но покупателей у жены хватало на весь товар. Жалко, конечно, что недавно его нашли недалеко от дома, на автобусной остановке, бездыханным. Похоже, привезли откуда-то и выбросили. Разбирайтесь тут. А кому разбираться? Ясно и так. Начал высовывать язык Кеша, а то и зубки показал. Магарычи — затея злая и опасная. А как без них? Да никак. Жуку это ясно с тех пор, как переделали всенародную собственность, появились новые хозяева, наемники и посредники между ними. Содействие в чем угодно стали называть услугой. У каждой услуги появилась цена. Магарычи всегда поддерживали теплые отношения. А теперь они определились, как обязательная плата в любом виде. В том числе и жидком. Правда, в большинстве случаев Жуку удавалось подобрать, что плохо лежит. Было ваше — стало наше. Ловкость рук. За безнадзорность не платят.

Каждое утро Жук неторопливо обходил свою усадьбу вдоль забора. Высокая, плотная и надежная ограда. Снизу — мощный бетонный фундамент, сверху — острые, как лезвия, края железных листов. Непроницаемая стена. Душа радуется такой защите. Понятно, что порядок нерушим, но все равно необходимо убедиться в его неизменности.

И сейчас, после праведных трудов, он, прихватив лопату, двинулся в привычном направлении. В сумеречной тишине разнесся свист. Нет, птицы еще не пели. Они только присматривали места для гнездовий. А над усадьбой поднимались шансоновые мотивы из репертуара придорожного радио.

Жук любил насвистывать еще со школьных лет. Тогда же и прилипло к нему это прозвище. Одноклассники точно подметили сущность своего товарища. А что, разве плохо быть пронырливым, все про всех знать, легко увильнуть от нежелательных обстоятельств, умело отшивать, когда пристают. Прозвище стало для него родным, срослось с ним. Иногда он и сам говорил себе: ну что, Жук, решим проблему? И обязательно решал, потому что любые загвоздки, поползновения в свою сторону видел наперед.

Его хитрющие синие глазки под низеньким, в два пальца, лобиком с торчащими, как на щетке, черными волосами, всегда в напряжении, будто у снайпера. Они убеждают, что их хозяин имеет изворотливый ум. Мышленный человек. А крепкая, жилистая и выпуклая спереди фигура при среднем росте выглядела приземистой и очень напоминала суковатый обрубок ствола толстой вербы. Точный пенек. Только живой.

Обход усадьбы стал обязательным еще до возведения железной стены. Вынудил сосед. Несносный тип: противно уживаться рядом с таким недоумением. Вечно наблюдает за тобой, что-то фотографирует. Развел у дороги полосу ивовых кустов. Некоторые прутья стали высовываться через огородную границу. А это недопустимо. Да ладно бы свой, деревенский мужик проглядел, оплошал, а тут городской обустроился. Понаехали... А с ними разговор короткий: банка солярки и спичка. И ищи ветра в поле. Дурных кустов как не бывало. Пусть понимает, кто здесь хозяин. Сосед раздуть спор не стал, значит побаивается. И это правильно. Но, вероятно, мщение все-таки затаил. И кто его знает, какой номер выкинет, наблюдая за ростом этажей, оград, отары овец, гусяного стада на гектаре пруда. Конечно, сильно навредить у него ни ума, ни духа не хватит. А если что-то по мелочам... Так вон он — участковый, как всегда приехал на утреннюю зорьку сазанчиков ловить. Стоит только намекнуть. Но приглядывать за соседом не лишне. Взбрдет ему в голову помой под забор выплескивать, а рядом пруд. Непозволительно. А если продырявит плотину на ручье?..

Помахал над головой растопыренной пятерней в сторону участкового. Поприветствовал. И тот поднял руку. Знакомство между ними давнее, взаимопонимание полное. И зовут они друг друга по-приятельски, без обид: Жук и Мент. Особенно дружба окрепла после одного так и не разгоревшегося скандалчика. Года два утекло, а история красного топора то и дело выпирает из потемок души. Замечательный человек Мент, а как встретишь, непонятная неловкость, унижительная виноватость возникает. Увильнуть от встречи хочется, хотя надо принимать достойный вид. Вот и сейчас можно бы попросту подойти, поздороваться за руку, спросить про оперативную обстановку, про Кешу. Но лучше сначала подняться на гору. Там, в старом обвалившемся мадьярском блиндаже, за ореховым кустом лежат в запасе мостовые конструкции. Не умыкнул бы кто?

Жук, хоть и приуслал, обходя нижнюю часть усадьбы, ступил на тропу в верхние свои владения. Здесь, на склоне со временем вырастет сад. В нем расположится пасека. Горные усыпанные земляничники обнесет колючей проволокой. Нечего посторонним шастать. А пока сделал разметку ямками под бесчисленные столбы. Вдоль будущей загородки по мелочам камешкам и вытоптана тропа.

Тяжеловато подниматься в гору грузному человеку. Но ведь только так можно чего-то добиться, преодолевая всякие препятствия. А не странно ли, что многие люди лезут по горам ради спортивного интереса? Глупые. Настоящий интерес ведет к материальному достатку. Это не потрогать руками облака, а необходимый прагматизм.

Жук размахивает лопатой, сбивает с пути неровности. Ступеньки здесь делать неразумно, а тротуарчик в две доски положить реально. А кто помешает? Пока депутатствуешь на своей улице, все можно. Медлить с делами нельзя. Про себя же признает, что никакой он не депутат, хотя и избранник. А если что-то делает во благо других, то исключительно имея при этом собственную выгоду. Прав был отец, когда еще давным-давно говорил: всегда ищи доступ к власти. И не к той, которая далеко и высоко, а к той, которая рядом: уличком, участковый, сельсовет, райсовет... Придумывай для них поводок. Не забывай, что во всем вокруг есть твоя доля. Старайся ее возвратить.

Да, гнусно выдавать себя за другого. Но иначе не обустроишься в этой жизни. Вон почти все предыдущие депутаты по улице после избрания сразу начинали или успешно заканчивали приличное домостроительство. А чем он хуже? Люди сами выдвинули его в местное правление. Оставалось только согласиться. Зато теперь он знает, насколько крута дорожка в народовластие.

Вот и половина горы. Остановился передохнуть. Повернулся в обратную сторону. Да, здесь не тротуарчик нужен, а настоящий фуникулер. Пробить бульдозером подходящий ровик сверху до подошвы холма, конечно, по силам. Правда, лишние вопросы начнут задавать. Так Мента подключим. А то сидит себе на персональной скамеечке у места, где кормится рыба, про дедукцию забыл.

Идея подъемника моментально сложилась в понятную схему. Работают мозги! Надо договориться с археологами. Они раскапывают за горой стоянку первобытных людей. Там еще указатель есть: фанерная стрелка со словами «Страна слонов». А наш бугор разве не продолжение этой страны? Поможем им, а они помогут нам своими поисками на нашем склоне. Мент утрясет земельные непонятки.

Если Жук начинает размышлять, а он это делает постоянно, то его не остановить. Никто не собьет с пути наставлениями о каких-то заблуждениях. Свои персональные упущения, которых практически не наблюдается, всегда преподнесет как проявления изобретательности. Ведь главное не в размере или содержании оплошности, а как ее подать. Иную оплошность можно превратить в необходимый реальность или даже в достижения. Надо обладать способностями психолога, аналитика, авантюриста, чтобы чужой рукой поджигать костер, греться у него, да еще таскать из золы печеную картошку, а то и лакомиться шашлычком.

Впрочем, а что тут не так? Разве хозяйственная расторопность осуждается? Разве не извлечение прибыли из всего, что делаешь и даже не делаешь, является главным правилом проживания? Поступай так, чтобы тебе было хорошо. А если кому-то не по нраву и не по силам... ах, ах,

ах! С волками жить — по-волчьи выть. По-другому, по-братски, нажались. Надоело. Теперь положено жить кто как может.

Продвигается Жук к вершине горы, опирается на лопату. На душе спокойно, мысли текут стройно, легко. Какой же он все-таки молодец, что подметил факт, мимо которого все проходили равнодушно. Слепые, что ли? Ну, хотя бы кто-нибудь задался вопросом, а почему на улице в порядке домов исчез один номер? Ведь был же всегда, а потом его не стало. Сразу за двадцать восьмым следует тридцатый. А где двадцать девятый? Возможно, так обозначали одну из времянок, которые есть в каждом дворе. Думай, как хочешь. А он, Жук, задумался, кое-что выяснил через Мента и уточнил: двадцать девятым стало ветхое бесхозное строение, похожее на сарай. И находится оно не на улице, а за горой, на территории песчаного карьера. Вернее, карьер в границах частного владения, у которого вдруг появился номер.

Да, ловкую комбинацию провернул бывший депутат. Многим он запомнился по неприятному случаю, когда на могильной пирамидке колхозного председателя самолично ножовкой по металлу спилил железную звездочку. Мол, не нужны нам символы прошлой власти. Люди пошумели, но возвращать звезду не стали. В самом деле, многие звезды потухли. А борец с пролетарскими знаками доказал, что теперь важнее другие признаки состоятельности: хорошая «крыша» над головой, надежный «забор», непробиваемая стена. Под их прикрытием сумел застолбить склон горы вокруг сарая, втихомолку достал разрешение на добычу и продажу песка. И гора начала работать на народного избранника. Поток — грузовики, поток — наличные. Несправедливо.

Жук узнал, что осквернили могилу председателя, махнул рукой, отсекая жалость к родственнику и желание наказать вандала. Незачем было деду ввязываться в большевистские дела. Но замысел прибрать к рукам удачливый песочный бизнес образовался. Потому и сильно возмущился, когда в ближних к карьере домах стала мутнеть вода из скважин, трескаться стены, а пылица забила окна и помещения. А тут еще выяснилось, что места эти являются ландшафтными заповедниками с реликтовыми растениями и таят в себе памятники человеческой культуры с древнейших времен. Варварство надо пресекать. И он пошел в атаку.

В нахрапистости Жуку не откажешь. Она выпирает из него всякий раз, когда приходится разговаривать требовательно. Как обычно, принимает позу превосходства перед стоящим рядом. Расправляет плечи, выпячивает грудь, немного назад откидывает голову, приподнимает подбородок и нервно подергивает искривленными губами. Ну, прямо памятник императору. Да еще интонациями голоса дает понять, что милость оказывает своему собеседнику. Манеры, разумеется, неприглядные. Так бывает. Петух перед курицей хорохорится по предписанию природы.

Без особого труда удалось взбаламутить всю улицу. Люди дружно пошли за своим заступником. Начались собрания, митинги на склоне горы, комиссии, чтобы закрыть карьер. Но депутат продолжал насыпать песок в огромные КАМАЗы. И тогда Жук посоветовался с Ментом, как вынудить делягу прекратить разграбление государственной собственности. Изобрели коварный план. Исполнили его. И теперь он, Жук, точно знает, кому светит удача, если способен рисковать...

Наконец-то, тропа закончилась. Верхолаз стоял на вершине горы. Здесь всегда сквозил ветерок и быстро исчезала усталость. Видно было далеко-далеко. За рекой, за неоглядными заливными лугами просматри-

вались крыши домов и блеснул церковный купол соседней деревеньки. Справа подпирали небо высоченные краны на околице ближайшего городка. Слева до горизонта громоздились лбы меловых гор. А внизу, как просторный хутор, раздвинулась в разные стороны его усадьба. С высоты она похожа на крепость, обнесенную стеной, с земляным валом, с водяной преградой и замком посередине. А будут еще миниатюрные пушечки по углам дома для праздничных салютов. Вместо обычных петард.

Фигурка Мента выглядела отсюда малюсенькой. А удочку в его руке вообще не различить. Зато какое громадное дело с его подачи осуществили. Даже и сейчас оторопь берет, когда вспоминаешь про самое главное.

Честно говоря, страшно было брать в руки топор. Он оказался красного цвета и прилажен на красном пожарном щите рядом с сельсоветом. Вроде бы прошли времена, когда громили и валяли памятники вождям. Вероятно, кто-то когда-то в чем-то провинился. Бывает. Но при чем здесь их цементные и бронзовые идолы? Это же просто свидетельства истории, вроде стоянок первобытных людей, древних пирамид... Сначала удивлялся несурaziце. Потом дошло, что крушили окаменевших, как живых. Затмение наехало. Возмущались неугодной властью, а доставалось другим. Получается, что разгром символических фигур вчерашних или сегодняшних был и остается протестом против существующего порядка. А кто там у руля, какая разница? Любое насилие над символами сулит неприятности. В этом сомнения не оставалось. Мент припомнил шумиху вокруг звездочки над могилой председателя колхоза и приложившего к ней руку владельца карьера. Дальновидным и практичным оказался соратник, а его вариант беспроектным.

Как и раньше, в центре села, между двух высоких и мохнатых елей скромно выглядывал бюст вождя мирового пролетариата. Жук и треснул лезвием топора прямо по темечку товарища Ленина. Топор оказался тяжелым, глубоко влез в плотную серую массу и застрял в трещине. Вытаскивали его вдвоем. Потом холодное оружие со следами насилия Мент забросил на крышу депутатского сарая. А вскоре он же и осуществил процедуру местного расследования крамольного покушения. Владелец карьера под напором железных улик, опасаясь прослыть вандалом, перестал торговать песком и исчез из депутатского корпуса. Как раз и время перевыборов наступило. А улица проголосовала за нового боевого депутата. И Жук стал государственным человеком.

Сбылись отцовские предсказания. Свою долю из скопища общих благ он доставал в полную меру. Ему предоставили свободу выбора места и пространства под собственную усадьбу. Тогда на улице еще сиротливо торчали брошенные или бесхозные домишки. Оформить их на себя не составило труда. А осваивать прилегающие к ним участки земли приступил без промедления.

В шоферской бригаде пригородной строительной компании Жук считался несомненным авторитетом по части знаний современного мироустройства. И не пустяк, что завгар иные производственные вопросы предварительно обговаривал с ним. Чаще всего это происходило в дружеской обстановке, когда помогал завгару строить дачу. Жук и не скрывал, что с начальством на короткой ноге. И кому какое дело, что конторский бульдозер или кран упираются и на его усадьбе. Частная фирма, частная собственность, частные отношения. Какие вопросы? Вопрос цены — да и только. Тоже дело частное.

Кое-кто, конечно, удивился размаху горных работ. В короткий срок

бульдозеры снесли лобную часть холма, сгребли меловой слой и добрались до золотистых песочных россыпей. Все лето Жук расширял образовавшийся карьер. Песок в деревне и ее округе нужен всегда. Торговля процветала. А на опустошенном месте, между меловых стен появился сначала фундамент, а потом и все остальное, чем сейчас, стоя на вершине горы, любовался Жук. Отсюда видны и спрятанные в блиндаже плиты, и на лугу летний телячий лагерь, откуда сегодня ночью доставил отличные сухие, длинные и ошкуренные бревнышки. Там их еще достаточно.

Много раз он оказывался на этом пятачке в разное время. Но раннее утро застало его здесь впервые. Неожиданно представил себе, что стоит на гребне высочайшей волны. По бокам глубокие провалы, переходящие в новые огромные волны. Солнце уже приподнялось над горизонтом. Тень от его горы вытянулась через впадину на половину другой. Таких гигантских теней не наблюдал никогда. Но не это его поразило. На краю черного окоема прилепился отпечаток его фигуры. Засомневался, его ли это тень. Начал махать лопатой. Тень зашевелилась. Вот это сюрприз! Какая величина! И представить себе невозможно собственную природную значительность.

Жук начал осторожно спускаться с горы. Очень скользко. Сорвешься — докатишься до двора весь изломанный. Поэтому втыкал лопату, а к ней приставлял ногу. И только так, шаг за шагом. Скоро подойдут плотники, будут завершать крышу остроконечными башнями. На самой высокой поставят железного петушка с электронной начинкой и на восходе солнца сверху будет доноситься боевой клич «ку-ка-ре-ку». Сказка...

Аномальная погода уже перестала удивлять. Ночью откуда-то принесло тучи. Хлестали молнии, грохот стоял невероятный. С гор неслись потоки грязно-белой воды. Они сливались в сплошной вал, который крушил на своем пути все и уносил в низину. Огороды вывернулись наизнанку, горная дорога превратилась в ущелье. Проехать по улице невозможно. От отцовского дома до новой усадьбы Жук добирался по сохранившимся на склонах гор невырубленным кустам. Окольным путем поднялся на свою гору. Посмотрел вниз и ахнул. Дома не существовало. Местами торчали ребра бетонных блоков, вздымались груды красного кирпича. Верхняя часть карьера рухнула, снесла и завалила усадьбу. Там, где был пруд, появился бугор из смытых земляных валов и бревен от поставленных вчера башен. Все уплыло.

Как назло, выкатилось золотистое веселое солнце, и на окрестности пролилась радость. В эти минуты должен бы прокукарекать электронный петушок на большой башне, возвещая миру о неизменности и порядке в нем. Но петушок исчез вместе со своим постаментом. Неужели кара небесная стеганула? Зачем же тогда крест на шее, который всегда выручал?

Жук долго и неподвижно сидел на верхушке горы. Пожалуй, впервые с ним стряслось невообразимое происшествие. Ну, ладно бы, кто-то подставил, поймал с поличным, обвинил в тайных и nepозволительных умыслах, в непомерных амбициях и сомнительных удачах, а тут сама природа сунула палку в колеса и выразила к нему, ее почитателю, свое неуважение. Он же всегда знал, что выживает в мире только сильнейший. Слабый становится жертвой сильного. Закон сохранения видов никто не отменял. Естественный отбор работает стихийно. Им нельзя управлять. Так в чем же он, Жук, провинился, что получил такую оплеуху? Действовал без оглядки на тех, кто полагает, что люди должны жить по божеским заповедям? А где они, эти люди, кто они?..

Жука захлестнула волна раздумий по поводу печального события. Ну, какая милость божья должна произрастать, если вокруг базар, все хотят базара, где побеждает самый хитрый и ловкий. Все хотят быть такими самими, но не у всех получается. Ничего не поделаешь — инстинкт побеждает сознание. Закон — тайга, медведь — хозяин. Чистая зоология. И эта вакханалия — не крушенье, а естественная случайность. Поправимая.

Солнце быстро поднималось, а гигантская тень на соседнем склоне, слитая с его черным силуэтом, заметно сокращалась. И вскоре пропала совсем. А от его фигуры не возникало отдельной тени. Будто он бестелесное существо.

Внезапно вспомнилось, как еще в школьные годы водили его вместе с классом в областной музей на выставку рисунков известного художника. На одной картине приглянулся ему разбойного вида мужичок на заборе, который за кем-то подглядывал, может, что-то обдумывал. Кто его знает. Забор стоял у воды и отражался в ней. А вот отражения мужичка почему-то не было. Спросил об этом. Учительница даже руками всплеснула, мол, смотрите-ка, правда. Наверное, художник ошибся. Но потом сказала, что так задумано. Мужичок есть, а в тоже время его и нет. А нет потому, что он пустое место, или природе не нужен. Течет себе река жизни без него, уносит все никчемное...

Да мало ли кто-то и что-то нарисовал. Пусть и интересно, но все это на бумаге. А тут не картинка, и сам он не мужичок на заборе. Руки, ноги в порядке, голова не болит. Значит, надо брать лопату и становиться сначала археологом, а потом кем всегда был. Иначе, какой же он Жук? Ведь еще не вечер...

ВЧЕРАШНИЙ СНЕГ

К ночи прошумела метель, подсыпала снегу, запорошила дорожки, намела сугробы. А у меня утром неотложные дела: сбегать к реке, чтобы проверить закидушку на налима и сгрести вокруг дома снег. Дон местами и в морозы не застывает, а случается, всю зиму между белыми берегами струится черная вода.

Еще сумеречно. Глянул в окно перед крыльцом, а там, на кормушке, под навесом крыши, уже птичья суматоха. Синицы вертятся как на карусели, крупный пестрый дятел без остановки молотит черным клювом по куску сала. А с толстой ветки соседней березы готовится к прыжку на пиришество осмотрительная, будто сделанная из шоколада, сойка.

Внезапно в нижнюю планку рамы моего окна вцепилась синица. Растрепыхала прозрачные с синевой крылышки, уперлась лимонной грудкой с черной полосочкой в стекло и шустро осматривает комнату. Меня, застывшего у стола, не замечает. Ее не страшит яркая лампочка под потолком. Конечно, привлекают блестящим желтым контуром круглые часы на стене, а чуть пониже — акварельные пейзажи здешних окрестностей. Приманивает и стоящий на подоконнике ящик с зелеными стрелками лука.

Вероятно, синица видит пейзажи и желает залететь в них. Быстро бегущая по циферблату секундная стрелка кажется ей соблазнительной гусеницей. Вот бы полакомиться! А луковая зелень перед клювом приводит ее в трепет. Да это же весна! Вот она где затаилась.

Но странную преграду не одолеть. Терпение и любопытство иссякли,

птичка испархивает на кормушку, а я собираюсь на улицу. Там уже по-светло.

Щелкаю выключателем. На всякий случай перед стеклом взмахиваю рукой. Резкое движение никого на кормушке не пугает, потому что у окна одна особенность. Когда в комнате свет выключен, стекло с уличной стороны становится непроглядным. На его поверхность будто натекает темная пелена. Она словно затененные очки на носу человека. Изнутри видно все, а вот снаружи и не пытайся рассмотреть глаза очкарика. Не получается.

Зима в этот раз нагрязнула рано. Река застыла в начале декабря. Но потом явилась оттепель, лед залило, сорвало, унесло. У берегов осталась наледь, влипшая в затопленные кусты и тростники. По отсыревшему припаю расплылись дорожки треугольных следов белобоких гагар. Стаи залетных гостей зимуют у нас до весеннего половодья, а потом уносятся в свое Заполярье.

А снегу полно. Вспугнув пташек, спустился с крыльца. У края дома повернул к дороге, но тут же и остановился. Здесь нижние ветки высокой березы вытянулись до земли. Густые, тонкие, распущенные и свободно свисающие коричневые косы полоскались по свежей пороше, высекая на ней перистые бороздки. И прямо у бороздок обрывались крестики следов стайки куропадок. Эти незаметные соседи обитают в огородах, ходят и летают через дворы. Обычное явление. Однако наследившие избрали небывалый путь: прошли по зыбким древесным прядям до вершины белоствольной и сорвались в небо.

На веточках остались точно такие же, как на снегу, крестики. Они крепко держались на кончиках утонченных прутиков и пошевеливались на ветерке вместе с ними. Стайка успела умчаться, но над горизонтом еще реяла крупная светлая птица. Ее конусная голова тянулась к плотной сизой стене изморози или тумана, за которой по пульсирующей золотисто-зеленой ауре угадывалось восходящее белесое зимнее солнце. Пушистые крылья раскинулись в стремительном паренье, а дымчатый в завитушках хвост напоминал павлиний. Вскоре даль поглотила видение, а на моем пути оставались подарком деревенской улицы и следы на снегу, и их копии в виде застывших березовых сережек на дереве.

Под светлым парусом приподнятого настроения начал пробиваться по занесенной тропе через огород к берегу. Снег рассыпался и светился редкостной молочной белизной. Когда в него наступал, терялось ощущение расстояния и материальности под ногами. Казалось, шагал по пенистому кучевому облаку. И чем ближе подходил к воде, тем гуще и затейливее обледали каждую веточку кустов, каждый стебелек бурьяна серебристые, узорчатые кружева инея.

Налим не попался. Он просто сорвал наживку: оттаявшую свежемороженую кильку — и ушел. Жалко. Но туда ему и дорога. Появится другой. И хотя желаемая сцена рыбалки не состоялась, я увидел, не сходя с места, нечто потрясающее, невероятное.

Сизые ключья неожиданного для этой поры тумана, ползущие по течению, вдруг приподнялись, зашевелились, обрели форму согбенных крадущихся человеческих фигур, спрятанных под маскировочными халатами. Фигуры двигались ровными рядами. Никто никого не обгонял. Халаты топорщились, прикрывая оружие. Волны необъяснимой смуты в душе исходили от молчаливого призрачного нашествия. Эх, был бы в руках фотоаппарат! Вот оно, неподдельное послание параллельного мира.

С низовой реки набежал ветерок. Вода зарыбила, засверкала. Сизые халаты чуть приподнялись, как по команде развернулись к берегу. И эта мрачная, тайная, похожая на воинскую, лавина полезла на снег, на пологое побережье и дальше, сливаясь с сугробами и растворяясь в них.

Если бы не видел, не знал, как оживала картина запределья, принял бы ее за мираж из прошлого, за воплощение мистических начал, за неизбывность памяти пространства...

Страшен потусторонний мир, но и ничтожен. Он — головная выдумка. Его реальные черты зависят от замысла того, кому он приоткрылся. Воображению людскому нет границ...

От берега до дома ходу — пять минут. Минуты три иду по огороду. И уже много лет, когда копаю землю, на этих сотках нахожу винтовочные гильзы, ржавые обрывки колючей проволоки. Внучка собирает боевые «сувениры». Из медной гильзы получается удобная свистулька. Подуешь в нее, звук возникает жесткий, пронзительный, вероятно, похожий на свист летящей пули.

Уже вблизи от дома, с дороги, подметил, что стекла в двух окнах бликовали, ясно означая свои контуры и цельность. А вид третьего окна меня ошеломило. Стекла, через которое наблюдал за птицами, не было. Зияла чернота. Пустая чернота. Выбили. В дыру залезли...

Взмокли лоб и глаза. Опустил голову, заспешил к пролому. И в этот миг будто встряхнуло током. Стоп! А где же признаки погрома? Снег у стены целехонкий. Мои следы и куропачьи прытки никто не растоптал. Куст калины перед окном пышно накрыт белыми волнами, не обрушен.

Ступил за куст. Повел глазами на окно. Никакой дыры! Стекло на месте. Фокус-покус. Опять что-то из бреда о входных порталах, смещении времен... А может быть, оптический обман?

Захлопнул за собою дверь. В доме я как под шапкой-невидимкой. Приблизился к обратной стороне мнимого оконного пролома. А за ним уже засуетились птицы. И тот же дятел, как отбойным молотком, бил клювом в обшипанное сало. Синицы расселись по краям кормушки. А самая мелкая из них, лазоревка, у которой клювик не больше кончика иголки, пыталась прицепиться рядом с дятлом и отщипнуть от жирного куска.

В соседском дворе залаяла собака. Кто-то шел по улице. Дятел пуглив и осторожен. Он сорвался с места и кинулся прямо в оконную черноту. В последний миг, уже на расстоянии руки, птица заметила меня, решила затормозить, распластала белые с черными пестринами крылья, как два раскрытых веера, но было поздно. Раздался глухой удар. Дятел хлопнул крыльями по стеклу и рухнул на снег.

Да что же это творится? Чистое колдовство. Точно, что окно с подвохом. Скорее на улицу. Однако на снегу никто не умирал. Там никого не оказалось. Только красные пушинки рдели у стены. В наряде дятла такие украшения на голове, в малиновом берете, сдвинутом к затылку, да за лапками в подхвостье.

Повезло. Значит, не разбился. Пушинки подберу на память. С куста калины посыпался снежок. Веточка качнулась. Перед красной гроздью стылых ягод на развилке тонких прутьев прицепился, точнее, лежал исчезнувший красавец. Крылья обвисли, головенка бессильно вытянулась вдоль ветки и вздрагивала. Весь он был похож на клок засохшей бересты, застрявшей в паутине.

Захотелось посмотреть глазами бедолаги на отрезок его последнего ужасного полета. Подошел к кормушке. Со стороны стены — окно в квадратной раме, с другой — простор. За придорожными кустами небесная голубизна. Ее рассек, как саблей, белым шлейфом реактивный самолет. И этот шлейф, словно гигантское копьё летит, преследуя сверкающую точку.

Повернулся к стеклянному квадрату. Совершенно неожиданно увидел в нем и голубую даль, и белое копьё... Как в зеркале. Выходит, взлетная полоска уперлась в зазеркалье, которое всегда и неизбежно, и сногшибательно. Ловушка неизведанного мира.

Пока я разбирался в ошибках птичьего полета, обманутый и пострадавший дятел пришел в себя, шумно встрепенулся, страхнул остатки снега с ветки и помчался туда, где истинная воля и стихия. Мне оставалось взять лопату и убирать вчерашний снег. Надо было поспешать. Над фарфоровым солнцем возникло радужное полукружие — верная примета близкого ненастья. Возможно, к ночи закружится новая метель.

ЧЕРНОЕ ПЕРО

«Пришлось подумать, прежде чем на афише написать: «Моя улица». Это наружное пространство у лица. В нем я вырос, узнал людей, которые его создали, начинал работать. Про жизнь на моей улице расскажут акварельные этюды»...

Иван перечитал заметку в заводской газете, напечатанную много лет назад. В ней были его слова, записанные журналистом на выставке в заводском Дворце культуры. Он тогда решил показать все, что изобразил в красках, как ему казалось, самое примечательное в природе деревенской.

Сейчас, читая свои давние слова, уже засомневался в реальности красочных сюжетов. Кто из местных сегодня знает или помнит о шестиглавом храме с высокой колокольней? Кто слышал о больнице и родильном доме? Кому служили банк, торговые ряды? На родниковом ручье, а может быть, речушке, текущей из-под гор, крутились мельничные колеса. Действовали школы, магазины, винный завод. А в самом просторном школьном классе готовился к открытию краеведческий музей...

Заметку сопровождали иллюстрации с портретов мастеровитых земляков. Один плел лапти и корзины, другой ковал подковы для лошадей, третий сочинял стихи, музыку, играл на балалайке и баяне, четвертый выкладывал из кирпича причудливые своды в погребах, камин, печи...

Знакомые зрители догадывались, кто сидит на срубе дома, подгоняет бревна топором, и утверждали, что это вылитый Тавров. А тот, который, как конь в упряжке, тащит за собою плуг в три лемеха, в руках держит глобус и книжку, — копия школьного учителя и пахаря.

— Смотрите-ка, — в тишине выставочного зала раздался громкий возглас, — да это же за мной гонялся дед Калуга.

Толпа людей сгрудилась вокруг смеющегося пожилого человека. Все устремили взгляды на картинку, где убегал один мужик, а другой — с поднятой оглоблей, гнался за ним. Сценка вроде бы потешная, одному другого не догнать, так как у вооруженного дубиной к ноге привязана веревка с тяжелой гирей. Но суть погони драматична. Она как эпилог в спектакле о войне.

Иван был очевидцем той погони и слышал, как сумасбродный дед обозвал соседа предателем и зятьком литовским. А тот в ответ назвал

Калугу фашистским прихвостнем. Все знали, что сосед в Прибалтике попался в плен и рабство. Пытался бежать. Ловили, наказывали жестоко. Из плена вырвался, когда пришли свои. Калуга же отсиделся в родной избушке, когда нагрянули фашисты, и поселились рядом. А что возьмешь с больного головой?

— Убью, подорву, — хрипел взбешенный дед.

— Пороху не хватит, — язвил другой, — у тебя один песок.

Но порох был. Когда Калуга умер, домишко развалили родственники, чтобы построить новое жилье. Из-за стены, прижавшейся к горе, посыпались проржавленные мины. У одного снаряда отвалился хвостовик. Иван привесил его на веревочку к углу своего дома.

— Спасибо, что увековечил, — сказал Ивану бывший пленник, — за улицу и за себя спасибо. Здесь все — правда. А можно пояснить, что означает маленький журавлик под изображением каждого этюда?

Иван сначала даже растерялся. Не рассказывать же всем, как на самом деле возник журавлик и стал по его жизни путеводной звездочкой. Да и неловко самодеятельному живописцу под своей работой ставить фамилию, которая вызовет сомнения.

— Такой у меня символ, — пояснил Иван, — он мне нравится.

Ивану повезло с фамилией. Он — Шишкин, как и знаменитый живописец. А если так, то надо оправдывать свою причастность к интересам знаменитости. Недавно он оформил пенсию. Бездельничать не стал. Твердо сказал себе: пора всерьез заняться красками, брать в руки кисти не только по выходным. Делать это лучше всего в деревне. Снял со стены квартиры квадратики этюдов, картин, упаковал, собрал рюкзак, нажал на педали.

Ехал на велосипеде не спеша. Катиться береговой дорогой вдоль реки никогда не надоеет. По пути приятно осмотреть свои заветные места, где скрывался с удочкой и этюдником.

Дома его никто не ждал. Родители давно переселились в мир иной, собственная семья не сложилась. Знакомые за глаза называли блажным, при встречах хитровато прикалывались: где же он срисовал трех медведей, если не ходил в дремучий лес? Эти плоские шуточки ему надоела, но отвечал таким же тоном, что лес, зверей, даже музеев, где выставлена известная картина, увидел во сне. И, не ожидая вопроса, на что потратил вырученные за картину деньги и почему не построил особняк, а живет в заводской однушке, сообщал: все проедал в столовой, старикам немного помогал да тратился на краски — они дорогие.

Иван слесарничал в инструментальной мастерской. Мог бы накопить на машину, но не хотел. Купил обычный дорожный велосипед и на нем, когда была возможность, прикатывал в деревню. Если погода позволяла, загружал в рюкзак этюдник, уходил в горы или к донским затонам. Оттуда носил акварельные красоты дивных пейзажей.

Поглядывать на чудеса природы в деревянных рамках совсем не то, что обитать в их изначальном естестве. Пожалуй, впервые в жизни сейчас подумал, что и птицы возвращаются туда, где они на свет явились. И рыбы приплывают из морей в ручьи и речки, к истокам своего происхождения. Зов предков. А люди откликаются на этот зов, если поманит интерес. Они же как вода в соединенных между собой речных протоках, которая перетекает куда направлен естественный или устроенный уклон. Вот и сам утек когда-то из деревни, потому что уничтожили родной заводик, где он работал наладчиком. А в двух часах ходу на своих двоих разверну-

лась большой стройкой. Возводили электростанцию и городок вокруг нее. Ну, и кому нужна деревня при такой занятой перспективе? Ровесники и кто постарше — все ушли на стройку. Многие из них забыли дорогу к дому. То некогда, то ненастье и бездорожье, то хочется поваляться на песчаном пляже, а не упираться в огороде с лопатой или тяпкой.

Иван тоже тяготился от необходимости тратить время на огород. Его всегда лишало покоя постоянное пристрастие, противостоять которому не нашлось бы сил. Притягивала, как магнит железо, многоликая таинственность живой природы и подталкивало желание ее изображать.

Еще мальчишкой заметил, что пространство вокруг переполнено всевозможными видениями. Куда ни глянешь: на гору, на ствол березы, на облако, на заросли в болоте, на что угодно, — всюду мерещатся знакомые и незнакомые фигуры, очертания понятных и неведомых существ. Даже сны несли такое разноцветье, какого не увидишь наяву.

Но вот что удивительно: чем дальше уходил в наплывающие годы, тем яснее видел явления из давних лет. Наверное, не просто так маячит перед глазами обычная для комнаты стена, перед которой до сих пор стоит его кровать. Когда ложился спать, то стенка будто оживала. На выбеленной известковой плоскости различные полосы, трещинки, извилилки, почти невидимые выпуклости, шероховатости, отсветы и тени под острым взглядом начинали соединяться и обретали облик журавля. Царственная птица размахнула крылья и летела. Ее присутствие наполняло комнатную пустоту дарами поднебесья.

Чтобы волшебное создание не исчезло, взял карандаш и обвел тонкими линиями на стене его изящный контур. Именно эти линии стали первым шагом к рисованию. Они же подсказали, как возникает нечто из ничего, вернее, из собственного воображения.

Добавило азарта рисовать и другое обстоятельство. До поры до времени не придавал значения случайным наблюдениям, которые, как оказалось, имеют глубокий смысл. Всего-то ничего: ехал в автобусе, смотрел в окно. Темнело. Фонари на столбах рассеивали полумрак. Вдоль дороги двигались прохожие. Над головами поднималось столбиком белое мерцание. У кого-то оно тянулось в высоту, у других струилось чуть-чуть над шапкой, а над иными воздух не светился. Похоже, что по асфальту проходили живые тени и неживые. Попросил соседа по сидению заглянуть в окно и объяснил, куда надо смотреть. Тот долго щурился перед стеклом, усмехнулся, развел руками. Он ничего особенного не узрел. Хорошо, что психом не обозвал, не покрутил пальцем у виска.

Значит, не дано, не так глаза устроены. Но любопытно, те, иные, без света над головой, может быть, без света в голове? Энергетическая опустошенность? А если в них сила темная, адская? В мироздании все представляет из себя разновидности энергий. И сознание людей не что иное, как энергетический поток, который порождает мысли, слова, поступки. Красочные картины — зримая материя этого потока. Через искусство можно понять духовное начало человека, увидеть оболочку ощущений света, цвета, звука, добра и зла.

Перед убытием в деревню замучил себя фантазиями о бесподобной композиции, которая возникнет на стене вокруг летящей птицы. Журавль получит оперение и воспарит над краем. Под его крыльями предстанет улица в своем сегодняшнем и прошлом виде. Готовых уличных пейзажей множество, а еще больше приметных мест в округе. Задумка, от которой и страшно, и восторг.

В другие годы у береговой тропы открывалась редкая картина. Заречная долина почти до горизонта была заполнена водой и становилась похожей на обвалившееся небо, по которому несло набухающие синевой глыбы облаков. Сырые вихри закручивали, загоняли облака под заросли из старых верб и кленов, где они превращались в присмирившие тающие льдины. А на течении у кустов обломки льдин вставали на дыбы, лезли на сучья, до белизны сдирая с них кору.

В этот раз ничего подобного не происходило. За всю зиму река застыла на десяток дней. Ожидаемый разлив не состоялся. Впервые не приплыл с верховий лед. И даже вода в реке не замутилась. Весна без половодья, как человек без радости.

Впереди старая, разлапистая верба. Около нее просиживал часами. Отсюда рисовал заречье, а из омута под нависающим над водой стволом выхватывал на удочку горбатых окуней. Без этой вербы в композиции не обойтись. Она особенная. Если бесконечный пояс из летних деревьев у реки назвать зеленым ожерельем, то эта верба в нем — серебряный кулон. Зимой она похожа на многоглавого дракона. Толстые ветки, как удавы, сворачиваются кольцами, переплетаются между собой, вытягиваются в стороны, будто ждут добычу. А когда их перебинтует снежная метель, от редкостного зрелища глаз не оторвать.

Весною, как сейчас, верба превращается в великанского цыпленка. Из тысяч почек лезут желтые, нежные пушинки, как на тельце маленького чуда из куриного яйца. Позже пух осыплется, а высунутся узенькие язычки белесых листиков. В них есть налет зеленого, но они больше белые. Бирюза под серебром.

Странное дерево всегда словно подсказывало что-то. Оно выглядит то поникшим, хмурым, то задумчивым, то настороженным, а бывает и восторженным, веселым. Это заметно по рисунку ветвей, листвы. И, удивительно, что их любой расклад одаривает подходящим настроением.

Иван остановился, слез с велосипеда. И не поверил своим глазам. По заречным заливным лугам громыхает трактор. Подумал, сено перевозит. Но за ним тянулись, как черные канаты, длинные борозды. Кому-то вздумалось распахивать придонскую пойму. Хотя, хозяин — барин. В этой глуши ему никто не помешает. А вдруг в реке прибавится воды и она выйдет из берегов? И поплывет сорванная с места луговина по течению...

Перебивая грохот трактора из заболоченных крепей Стародонья донесли крики журавлей. Изломанные, перекрученные, пронзительные возгласы, полные тоски вселенской и колокольной силы. Невозможно устоять на месте от бушующего напора голосовой стихии. На какой палитре найдутся краски, чтобы изобразить тревогу журавлей? Они же не чрикают — трубят...

Встречный ветерок окатил волной табачного дымка. На краю омута показалась плоскодонка. Она двигалась бесшумно. Мужик на корме умело греб коротким деревянным веслом, а второй, как коня на вожжах, держал на натянутой веревке плывущую по течению сеть. Обычно такая рыбалка — занятие ночное. А тут, пожалуйста, среди бела дня.

Следом за рыбаками, только подальше от них, к середине реки, возникло черное бревно с расшеперенными сучьями. Оно покачивалось как живое, клонилось острыми обломками в разные стороны, будто крупный олень, ворочая рожищами, направлялся, куда ему надо. Позади бревна рассекало воду нечто похожее на вытянутую фигуру человека в одежде. На волне, как на подушке, голова. Над ней треугольником горбатилось

плечо. По буюрну угадывалось тело на боку. Рук, ног не видно, не разоб-
брать. Понятно, живому человеку нечего делать в обжигающей холодной
воде. А если так оно и есть? А если человек тот самый, о котором недавно
говорили, что пропал бесследно? О купле дома договорился, но деньги не
успел отдать. Покупку обмыл с соседями досрочно. И как в воду канул.
Позвонить бы. Но кому, куда? Не поверят. Скажут, если что-то мерещит-
ся, перекрестись. Рогатые бревна везде плывут. Но все равно такая встре-
ча — не лучшая примета.

Пока жил и работал в городе, деревенские подробности мало привле-
кали. Думал, лучше не вникать в сторонние дела. Да и бесполезно. Когда
под корень уничтожили местный заводик, выпускающий хорошее вино,
варенье, соки, поверили удалым говорунам, что таким путем они органи-
зуют трезвость. Оказалось, организовали передел всего. Винцо достави-
ли из-за бугра по личным коридорам, проложенным говорунами. А у де-
ревни выбили из рук работу. Свернулись ягодные плантации, сады. Ис-
чезло заготовительное овощное производство. Не стало целых огородов
чеснока, закрыли фермы... Теперь взялись распахивать луга. При этом
брошенных полей не пересчитать. Поля пустые. Как обозначить на кар-
тине пустоту? Взять белый лист бумаги и вставить в рамку? По сравне-
нию с этим белым известным черный квадрат настоящий клад. Он — без-
дна тайнств ночи, в которой всему начало и конец. А пустота — бесцвет-
на и бессмысленна. Бессмысленное поведение людей и надо изобразить.

— Эй, привет, — раздалось за спиной из пустоты. — Что там?

Иван обернулся. Как не заметил раньше? К нему приблизилось ста-
до черных быков и подошел пастух с кнутом, узбек или таджик.

— Там странные коряги, — ответил и спросил, — а чьи быки? Кто
владелец?

— Большой начальник, — пояснил пастух. — У него по всей губер-
нии пастбища. Теперь перевезли быков сюда. Тут много корма и воды.
Мраморное мясо будет.

Непривычно видеть комолых быков. Никаких рогов. Они пугливо
шарахались от велосипеда. Когда-то на этом месте располагалось обще-
ственное стойло. К обеденной дойке сгоняли несколько уличных коровь-
их стад. Хозяйка рогатых жила в каждом доме. Сразу вспомнилась исто-
рия последней уличной коровы. Ее хозяйка собирала по горам целебную
траву и по выходным торговала ею на городском базаре. Соседи узнали,
что травница продает, как она говорила, свою кормилицу. Удивились,
спросили. Сказала, невыгодно держать скотину, да и тяжело. С кормами
стало плохо. Выгоднее продавать траву. И хлопот поменьше.

Корову увели в соседнюю деревню через мост. На следующий день
буренка объявилась в родном дворе, о чем предупредила басистым ревом.
Ее снова увели, закрыли в загоне на берегу. Так она переплыла широкую
реку и громогласно пришла домой. Травница в слезы. Уже хотела вернуть
за продажу деньги, да не успела. Буренку за ее подвиги отправили на
мясо. Сказали, что не поддается дойке, кусается. И вовсе не корова она, а
злющая собака.

Сцены с коровой и быками пригодятся в новой композиции. Умест-
ны трактор на лугу и рыбаки, и бревно с прицепом. Стена широкая, все-
му найдется место. Не потерять бы ощущение утраты. Оно, похоже, глав-
ный персонаж.

Иван отъехал недалеко, снова остановился, соскочил с велосипеда.
Дальше — каменистый склон горы. Отсюда начинается белая дорога.

Здесь всегда кажется, что топается по выбеленной стене или перевернутому потолку. При каждом шаге дорога отзывается отдаленным гулом, который пробивается из глубины, из-под каких-то толстых напряженных сводов, запечатавших отзвуки тысячелетий.

Среди накопленных этюдов есть изображения распадков между склонами. Весною они залиты голубизной, которая как музыка исходит от колокольчиков — цветов дикого льна. На меловых уступчиках, над этой лазоревой мелодией, поднимаются метелки ковыля. Сначала зеленые и острые щетинки можно спутать с длинными осочинками. Но вскоре они становятся пушистыми, превращаются в плотные седые гривки, дружно склоняются в одну сторону и ходят пенистыми волнами на ветру.

Посмотришь на распадок с расстояния, глаза закроешь, а перед тобой по долине несутся табуны коней. За высоким разнотравьем не видно всадников, полощутся только белые гривы на вытянутых шеях скакунов. Легко представить, что перестук копыт пробивших белую дорогу, вонзившись в меловую твердь, возвращается неясным эхом.

Однажды, наслушавшись подземных отголосков, вместо этюдника взял лом, вскарабкался на самый звучный срез горы. Ударил железом всего несколько раз, камня не выбил, как прибежали любопытные соседки, выхватили из рук тяжелый лом, зашумели. Зачем зовешь беду? Зачем ломаешь, чего не строил? И никаких объяснений не принимают. Убирайся, пока не налетел на свою тайну. Про нее знают, кому не лень. Иди да посчитай, сколько на улице калек, желавших покопаться в меловой коре. Оно и правда, лучше не долбить неведомое, ударишь по запалу. И может ахнуть оглушительно истинное эхо от ожившего в горе чудовища войны.

Иван взошел на холмик, где появлялся с ломом. Чуть ниже, как и раньше, развалилась выбитая в скале продолговатая траншея. На ее высокой стенке отчетливо виднелись вмятины от колес тяжелого орудия и пролом для мощного ствола. Отсюда в сторону города летели через Дон фашистские снаряды. Над проломом, как ни странно, выросла пушистая сосна. Иван воспринимал ее как знак противоборства мертвого с живым. И на тебе: безумная нелепость. Сосну срубили. На одном эскизе зеленая красавица в лучах закатного светила становится подобием вспышки огневой на фоне красных монастырских стен, вблизи которых зародилась деревенька. Там начало улицы и спуск с горы, а рукой подать — родимая усадьба. Удивительно, сколько несовместимого и разного слилось в одно.

— Здесь твои медведи, Шишкин, дремучий лес и будущий музей, — сказал Иван, подруливая к дому.

Не успел сойти с велосипеда, соседки окружили. Новости посыпались, как из короба. Местную шпану забрали, подозревают в убийстве чужого человека. К воде ведут улики. Появился фермер. Запугивает стариков, что приберет к рукам все брошенные огороды. Хвалится, что может перекрыть любую нужную ему усадьбу. А сам он с наркотиками связан. Пацан, пастух его баранов, катался на мотоцикле и разбился. Оказалось, что в его крови отравы, которую вкалывал ему хозяин. Сосну на нашем склоне видел? Исчезла. Люди наблюдали, как фермер под Новый год ее спилил. Сам в деревне не живет, бывает наездами, а беспредельничает постоянно. Еще беда с учителем случилась. Похоронили. Внучек из города приехал и избил. Пообещал добавить, если срочно не переписет на него свой дом. А дочка пообещала упечь отца в психушку за то, что нанимает в помощники бездомную бродяжку. Умер от приступа сердечного. Начали бумаги разбирать, а там завещание на внука.

Соседки стрекотали как сороки. Им про все известно. Спыхватившись, чуть не забыли: с тебя, Иван, две тысячи. За тебя внесли приезжему предпринимателю. Пообещал на нашей улице отремонтировать дорогу. Деньги нужны для взноса, чтобы выиграть какой-то конкурс, объявленный по интернету. Божился выиграть.

Спросил бабулек, а за отданные рубли расписку взяли? Увы, расписок не было. Значит, ушла дорога приезжему в карман... Сюжетик для рисунка очень занимательный!

Сороки стрекотали, довольные прибытием соседа. Иван поднялся по ступенькам на крыльцо. Уже ключ достал, чтобы открыть замок. Но что-то его насторожило. Запахло гарью. Потом раздалось заунывные, тягучие причитания. Не то молитва, не то плач? Соседки успокоили, не надо обращать внимания. На дело вышел Аллилуйщик. Пенсионер. Бывший специалист по электричеству. Отбыл свое на производстве в городе, теперь живет через три дома. Продал отцовские пай-гектары, сестру в наследстве обездолил. Нашел себе занятие: по выходным куда-то уезжает помолиться, по будням распекает здесь.

Быстрыми шагами Иван метнулся в дальний огород. Там, за деревьями, поля, заросшие осокой, пижмой, донником, чертополохом. Прошлогоднего бурьяна выше головы. На тропе увидел приземистого мужичка. Тот семенил коротенькими ножками, покачивался, будто его колышет ветер, спотыкался о траву. Пока двигался, гнусавил: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя». Когда приседал, твердил протяжно: «Господи, помилуй, господи, помилуй, господи, помилуй». В этот момент чиркал зажигалкой и поджигал траву.

— Уважаемый, перестань устраивать пожары, — сказал Иван.

Опершись на четвереньки, мужичок, взирая мутными глазами в небо, оторвал руку от земли и замахал ею, словно отгребал землю.

— Сгинь, сатана! Сгинь! — воскликнул он, поблескивая сталью зубов.

И снова понеслась над огородом аллилуйя...

Что делать? Человек в бреду. Переговоры невозможны. Богомолец в жестоком трансе. И будет находиться в этом состоянии не меньше месяца. За это время выжжет всю округу. Под «господи, помилуй» уничтожит на лугах все гнезда жаворонков, перепелок, куропаток. Спалит зайчат, бесчисленное паучье население, все муравейники, достанется и чьим-то яблоням, малинникам. И даже мирные сурки в своих убежищах на склонах гор хлебнут огня и дыма.

Похоже, что волна природных аномалий, накрывшая погоду, насекомых, прихватила и людей.

Заканчивался день. Наконец, Иван уселся перед стеной, уперся взглядом в белую фигуру журавля. У ног и вдоль стены разложил цветастые этюды — фрагменты будущей картины. Под крыльями, словно под солнцем, у разбитой пушки на траншее поднимется еще не срубленная сосна. У края слева вздыбится обломки красных стен монастыря. В правой стороне уместен кирпичный замок владельца тутешних земель. Стену разделит белая дорога... В картине будет преобладать пейзаж. Он станет основой для любых историй...

Уже темнело. Становилось зябко. Хорошо бы печку затопить. За дровами пошел в сарай. И вдруг услышал страшный рев. Орал какой-то зверь, попавший в яму и напоровшийся на острый кол. Рев переходил в рычание. Неужто из кого-то тянут жилы? Неужто распахнулись двери ада?

Побежал к соседкам. Те извинились, что не предупредили. Из города

вернулся еще один селянин. Здесь недавно, но кличку заработал точно — Тарзан. Мужик нестарый. Служил где-то по контракту. Чаще всего, когда стемнеет или на рассвете, над улицей летит ужасный крик. Кто не знает, откуда пугающие вопли, стараются укрыться от угроз. А кто слышит про дикий ор, скажут: Тарзан очнулся. Что там накопело на душе у крикуна, какой напруг рвет горло, никто понять не может. Когда соседи встречают его около дома, пока трезв, просят, чтобы орал потише, а то дети пугаются, собаки начинают лаять. Тарзан крепко стискивает губы и сильно прижимает к ним вытянутый палец. Это означает, что замолкает как могила. Но только на дворе темнота — снова громыхают джунгли.

Час от часу не легче. Каких еще подарков ждать? Кто городу не нужен, мало пригоден и в деревне. Он здесь не свой и не чужой. Да и сама себе деревня больше чужая, чем своя. Ее изломы заметны всюду.

На улице затишье. Собаки утихомирились. Вероятно, Тарзан заснул. Пора и самому на отдых. Сейчас журавль взмахнет распахнутыми крыльями, взвоет, утянет за собой, как уже бывало. А завтра он отправится в полет не белым, а в перьевом торжественном наряде. С него начнется живопись и новая картина.

Апрельская заря приходит рано. Привычка долгих лет — вставать чуть свет. В крыльца услышал: «пок-пок-пок»... Будто лопаются пузырьки. Оглашают свое присутствие лягушки в родниковом озерце. У забора распустил кисточки соцветий, похожих на десанты парашютиков, высокий ягель. Сейчас в осинниках, орешниках на склонах гор по стокам талых вод, ломая ржавую листву, встают шеренгой великолепные сморчки, грибы с неповторимым запахом весенней свежести. В огородных вербах подняли трескотню-переполох дрозды. Устроили погони друг за другом. От реки донесся журавлиный крик. Крик громкий, непрерывный, жалобный. Он приближался. Журавль летел вдоль улицы, почти над крышами. И вдруг — «ба-бах». Гром выстрела. Журавль умолк. В ушах застрял тяжелый звуковой раскат. Кто там воет? Кому мешает птичья песня? Уже через минуту Иван стоял у дома, где зависла пороховая гарь. По двору с улицы тащился утлый, как огурец, мужик. Голова белая с наклоном, будто готов бодаться. Ноги колесом. Руки длинные, паучьи. Одной рукой держал за ствол ружье, другой — волок за ноги журавля. Увидев подошедшего Ивана, сделал в его сторону выпад ногой, притопнул и рыкнул как собака. И стало ясно, что встретился Тарзан.

— Ты кто? Какого дьявола блудишь по чужим дворам?

— Услышал выстрел.

— Тебе какое дело? У меня праздничный салют.

— По редким птицам?

— Птица подвернулась под раздачу. Хочешь правду знать? Смотри.

Тарзан сдвинул в кучу ружье и журавля, вынул из кармана согнутый пополам конверт, из него достал листок бумаги и протянул Ивану.

— Изучай.

Листок был копией документа о награде бойца орденом за подвиг на войне с фашистами. Перед атакой боец сумел пробраться в тыл врага и уничтожить огневую точку. Атака удалась.

— Это про моего отца. После войны Красная Звезда лежала в ящике стола, и никто не знал, за что отцу награда. Сам только повторял, что за Победу.

Иван еще раз пробежал глазами по документу. Понял, что это ответ из военкомата на запрос семьи.

— Помнится, Александр Матросов сделал самое. Он получил звезду Героя. Погиб на амбразуре. А твоему отцу просто повезло. Радоваться только.

— А я и радуюсь. Письмо прислали вчера вечером, — объяснял Тарзан. — Теперь я знаю правду. Поэтому устроил утренний салют. А птица мимо пролетала. Да еще кричала громко. Решил, что лучше ей рот заткнуть, чем палить в пустое небо. Идем, выпьем за отцовский подвиг.

Иван поднял с земли спустившееся с неба после выстрела большое черное перо, пошел домой.

Тарзан сейчас напьется, начнет орать. Люди скажут, мужик свихнулся. Возможно, так и есть. Но совершенно точно, в душе у человека перелом. Закрытый.

Утренняя встряска прояснила сюжет картины. Теперь на меловых камнях у срубленной сосны рядом с разбитой пушкой будет стоять мужик на костыле и целить из ружья по журавлю. Птица на стене должна остаться белой, без оперенья. Лишнее оно для улетевшей в вечность. А черное перо больше не упадет на землю. Оно не нарисованное, а настоящее, вставленное в стену, зависнет в вышине над улицей. Белый журавль все равно когда-то улетит за своей стаей. А черное перо останется частью правды.

Откуда-то возник укор. Кому какая польза от его стараний, открытий чувств, свидетельств о красотах и несправедностях жизни? Только самому? Он — кто? Заметил — оценил, усвоил — описал, нарисовал. Просто — наблюдатель. Назвал какие-то деяния своими именами? Ну и что? Совершил открытие? Выдал чьи-то тайны? Пресек абсурд? Да ничего такого! Оправдывается перед самим собой, что не причастен к переменам на своей улице? Возможно. Хочет показать, что понимает причины перемен? Пожалуй. А толку-то? Что может пчела без жала?

Кстати, еще один пенсионер вернулся из города в деревню. Устроился на краю улицы. Рассказывают, что у него самые выгодные пчелы. Селекционеры сумели вывести вид насекомых, которые добывают мед, но никого не жалят. Лишены природного инстинкта. Хозяин окуривает их специальным сизым дымом. Очень влиятельный и сильный дым.

Вспомнив про это, Иван даже встрепенулся, грусть улетучилась. Сработала практическая сметка. Картине понадобится рама. Конечно, нарисованная на стене. А что может быть лучше своеобразного сизого облачка, окутывающего по краям всю композицию? Облачко дурмана прошиито пестрыми цепочками летящих пчел. Незримый ветер скручивает клубы дыма в разжатую спираль, уносит в стороны границы стен и открывает улицы лицо...

В КОСТРЕ БАБЬЕГО ЛЕТА

Вчерашний день — сплошное сумасшествие. Навалилась тяжелая и мрачная тоска. При этом окатило раздерганное беспокойство, которое сменилось усталым безразличием, апатией, хотелось выкрикнуть: а провались все пропадом в тартарары! Но требовалось неотложно самой себе ответить, что, в конце концов, произошло? Ее привычный мир трещит по швам. Вероятно, кто-то думает, что живет, сообразуясь, приспособляясь к обстоятельствам. На самом деле всюду царит обман. Обман потому и не бросается в глаза, что воспринимается как образ жизни, способ отношений. На него смотрят, как на игру, кто кого пе-

рехитрит, или как на конкуренцию, или как на что-то выгодное. Даже пословицу придумали: обмани ближнего и возрадуйся, ибо ближний обведет тебя. Так жить нельзя, ты — не Маха, которой все равно, а просто — Маня.

* * *

Маня вышла на крыльцо. Солнце еще не показалось на горизонте. Заря, похожая на широкий, выпрямленный обруч радуги, отсекала небо от земли. По сторонам даль голубела, объятая плотным, холмистым туманом. Дунул ветерок. С придорожной березы посыпались, замельтешили роем золотых бабочек сухие листики. Вот и конец бабьему лету.

Маня посмотрела в гущу березовых ветвей. Подметила, удивленно, что никакой гущи уже нет. Пышные водопады из волнисто свисающих тонких древесных прядей стали подобием поредевших, жиденьких косиц на неприбранной и поседевшей старушечьей голове.

Еще недавно утренняя заря открывалась утонченными, мечтательными посвистами иволги. Птица, сравнимая с солнечным просверком, собрала в своем голосе медленные вибрации тягучего ветра, тревожную магию лунного свечения, жемчужные переливы звуков свирели. Заслушаешься, забудешь обо всем. А тут с вершины березы раздается утробное бурчание дикого голубя. Да ладно бы, бурчал себе, как чем-то недовольный старый человек. Но нет, твердит без конца картавыми словами: страдайте, страдайте, люди...

Во имя чего, за что страдания? Догадывайтесь сами. Вам ли не знать? Маня понимает, что заклинания небесного посланца бьют в точку. Они адресованы именно к ней. Их надо безропотно принять. Да и не остается ничего иного. Сразу после привычной, но последней прогулки, последней за годы, прожитые в этом уютном для души и взора уголке природы, она погрузит в заказанную машину собранные узлы, корзины и уедет. Грустно. Обидно. Жалко.

Настал момент подумать и назвать точным словом беду, из-за которой разом размеренное, безобидное существование полетело под откос. Неужели подвела собственная доверчивость и непрактичность? А может, вызывающая привлекательность и безоглядность поведения? Попробуйка увидеть заковырку, из-за которой весь сыр-бор?

По большому счету причина в перемене жительства. Но из города уехала в деревню по неотложным, вынужденным обстоятельствам. Надо было выхаживать тяжело заболевшую сестру. А уже позже, приглядевшись к первобытным особенностям края, решила, что в этом закоулке природы для нее открылся райский уголок. Купила недорогой, уютный домик и поселилась в нем. Вдобавок здесь ее ждала любимая работа. Сельскому клубу нужен был специалист, владеющий музыкальным инструментом и певческим талантом. И бывшая солистка филармонии, пребывающая в статусе пенсионерки, с охотой принялась за дело.

Концерты, фестивали, смотры... Ее женский хор всегда на высоте. А собственное соло взбудораживало зрителей, заставляло волноваться, трепетать. В чем тут беда? Одна услада бесконечная. Однако есть зацепка. На последней репетиции один за другим раздались два звонка. Сначала позвонила внучка, наследница сестры, выпускница строительного института. Молила о помощи. Не хватало пятидесяти тысяч рублей для расплаты за кредит на квартиру. В запасе таких денег не было, но пообещала

внучке, что обязательно выругит ее. Певуны находились рядом, слышали суть разговора. Когда Маня повернулась к ним с вопросом, кто богат, дружно развели руками.

Только запели, снова звонок. Прервала репетицию. На этот раз голос долетел из далекой Карелии с острова Валаам. Очень редкий и неожиданный звонок. Даже переспросила, чтобы точно знать, кто вызывает. Да, да, это был спокойный, без восторженных восклицаний, голос мужа. Хотела сказать, Петя, рада тебя слышать, а получилось холодновато: Петр, в чем дело?

Петр, несомненно, уловил меру отчужденности в вопросе, но поддерживать недружественный тон не стал. Сказал, что обустроился основательно. Условия и порядки на Валааме — лучше не придумаешь. Если пожелаешь, можно переселиться к нему. Даже найдется подходящая работа.

С налета не ответишь. Конечно, надо бы обрезать сразу, сказать, что не собирается срываться с места, а она, не зная для чего, завела унылую пластинку, мол, переезд в далекий край — событие и притягательное, и тяжелое. И домик надо продавать, расставаться с родными и коллегами не хочется. Тема интересная, но надо основательно обдумать...

Это только сейчас, когда она идет в последний раз по включенной красной дорожке из перепутанного спелого спорыша, явилась догадка, как возникли слухи об ее отъезде и быстро разнеслись по улице. Ясно, кто-то из подружек любезно постарался еще по ходу последней репетиции. Фактически короткие и пустяковые переговоры с мужем стали началом грязного обмана. Стоп, стоп, если честно, то она сама была готова обмануться. Но мимолетное общение с Петром стало пророческим.

Глянула на часы. В запасе минут тридцать. Тропа ведет к семейству тополей над берегом реки. Деревья разрослись просторным кругом. Летом они создают огромный теневой шатер, а осенью над обрывом возникал мираж какого-то невиданного храма с множеством золоченых луковичных колоколен. Когда солнечные лучи разливались по куполам, над лугом поднималось радостное сияние. Невозможно было не идти на этот свет, невозможно не наполниться восторгом. Пир полыхающего разноцветья дурманил голову как вспышка от наката весеннего хмельного самовольства. Но сейчас стволы тополей вытянулись зелеными свечами, а на месте молитвенных куполов расшеперились обтрепанные ветром метелки да веники. Есть чем небо подметать. Исчезло, будто и не приходило бабье лето. Остались головешки от костра.

Эх, годы, годы. В них обнаруживаешь сходство с бумерангом. Беззаботно наполнишь их добром и мелкой пакостью, потом сполна получишь по заслугам. Но в первую очередь расплатишься за пакость. Чего греха таить? Уехал Петр на Валаам не потому, что он плохой мужик, хотя зануда. Не потому, что надоел проповедями из церковных книг, настойчивыми утверждениями о своих встречах с НЛО, болтовней о прибывающих пришельцах и рыночной неразберихе. Пришельцами он называл тех, кто портил жизнь и кого понять не мог. Уехал от вранья, которое она старалась завуалировать под неизбежность своей работы.

Сейчас понятно, что когда-то свела их мода на профессии. Было такое странное поветрие. Он — бортинженер экипажа дальней авиации, она — певица после музыкального училища. Встретились на соревнованиях по спортивной гимнастике. Спорт закреплял их узы. Концерты приносили душевное тепло. Она — на сцене, он — в первом ряду. А дальше —

он на север страны, она — на юг области. Бесконечные полеты и гастроли. Душевное тепло рассеивалось в пространстве.

Гастрольная работа не из легких. Дневные переезды до сельских клубов, подготовка к исполнению программы, множество других нюансов командировочного быта сродни походной жизни. Заметно уставала. А тут самой на удивление случилось все наоборот. Домой вернулась бодрая, веселая. Даже Петр заметил и сказал, что носишься будто на крыльях, и правда, похоже, крылья отросли. А как им не отрасти, если после концерта подошел статный, молодой мужчина с закрученными вверх усами, представился художником, рассыпался в высоких похвалах о ее голосе и внешности. В очень деликатной форме выразил неистребимое желание видеть ее на своей картине истоком вдохновения на каждый день. Подумала, что ради вот таких признаний и стоит заниматься своим делом. Еще ни от кого не слышала подобных слов.

Договоренности осуществили в тот же вечер. В райцентре рядом с Дворцом культуры находилась художественная мастерская. После дневных трудов входила в нее и превращалась в неведомую для себя до нынешней поры богиню Маху. Надо было лежать на подиуме, а художник, находясь поодаль, красками переносил желанный облик на огромный холст.

Условились, что будет копия с шедевра знаменитого испанца Франсиско Гойи «Обнаженная Маха». Только лицо на свежем полотне станет портретом Мани. Впрочем, в очертаниях фигурок этой и другой наблюдалось больше сходства, чем расхождений. Неделя упоения искусством пронеслась как миг земного волшебства. Он говорил ей — моя Маха, она, когда была необходимость в слове, — Гойя. Он ей нашептывал: ты истинная Маха и создана повелевать не словом, а красотой. Вот видишь, я у твоих ног.

Да, глядя на картину, можно раздуться и лопнуть от собственной важности, величия. Преображение простого естества в неожиданную драгоценность удивительно. А для чего преобразование? Для вида, для утех или желания показать свою мечту, или что может быть на самом деле? Как хочешь, так и понимай. А принимай, что ближе, чему знаешь цену.

Договорились, Гойя делает две фотографии картины: одна полноформатная, другая — без Махи. Только пейзаж на заднем плане с фигуркой человека с кисточкой. Один снимок затаит, а другой будет лежать открыто на столе под листом зеленоватого стекла. Отрезанная Маха не исчезнет. Невидимая никому, она начнет присутствовать везде, где будет появляться Маня. Такая вот метаморфоза с трансформацией. Наверное, бывают игры, переходящие в реальность.

Петр обратил внимание на снимок под стеклом, но ни о чем расспрашивать не стал. Вроде бы ему не интересно. Почему-то у него не заметишь признаков ревности, хотя повод для этого легко найти. Зато он часто утверждал, что человек ни в прямом, ни в переносном смысле не может называться чьей-то собственностью. Собственной является твоя фамилия, руки, ноги, голова. Людей объединяют чувства и обязанности. Взаимность существует только на честной основе и доброй воле. Если сломалось то или другое, возник обман, — зачем прикидываться, что все в порядке? Легко сказать...

Однажды в марте предложила сходить в музей на выставку женского портрета. Смотрели, рассуждали. Остановились перед необыкновенным изображением. Привлекало в нем все: изощренная техника мазка, лю-

ший свет по изящным изгибам тела, загадочность самого образа. Распущенные волосы скрывали лицо, обтекали открытую грудь, образуя струистый водопад, устремленный в бездну. Изображение казалось больше символическим, чем конкретным. Да и называлось соответственно: «Рожденная из пены».

Внимательно следила за лицом Петра. Ждала, что муж начнет переводить взгляды с картины на ее фигуру, отыскивая какие-то подобия. Но этого не происходило. Спросил только спокойным голосом, а смогла бы она позировать вот так? Ответила мгновенно, будто ждала вопроса, что ради искусства на все готова. Произнесла слова и спохватилась, зачем так сказала? Вдруг догадается, что видит ее зеркальное отражение. Но он все тем же ровным тоном произнес, тебе, Маня, виднее, как поступать.

Душа раздваивалась. Не хотелось признаваться, что вхожа в мастерские живописцев. И одновременно желала показаться перед мужем в картинном, чуть ли не иконном ореоле. Гордись и удивляйся!

Дома Петр сразу подошел к столу, накрытому листом зеленого стекла. Под стеклом распластанные цветные фотографии каких-то композиций. Ее коллекция. Среди картинок выделялась «Рожденная из пены». Когда-то мимоходом заметил снимок и запомнил. Красивым показался образ и будто знакомым. А теперь он стал понятным во всей своей природной подлинности. Было очевидным, муж расшифровал ее секрет.

О чем-то поразмыслив, Петр протянул руку к полке с книгами. Взял альбом с репродукциями полотен знаменитых художников, начал листать. Перед одной страницей замер, всматриваясь в иллюстрацию, потом воскликнул радостно и удивленно, Маня, так это ты! Обнаженную Маху Гойя рисовал с тебя! Только лицо другое. Но твое ни в чем оригиналу не уступит. Поздравляю. Кто бы мог подумать? Однако есть вопрос. Пейзаж на картине всего лишь фон из экзотических деревьев, а на твоей картинке под стеклом тот же пейзажик, но с усатым мужиком? У него кисточка в руке. Понятно, что художник. Но смотрит он в пустое место. А где же тут царственное тело? Кто и зачем отрезал Маху? Разве ей не место на твоём столе? Или она — секрет усатого? Да ладно, можешь не рассказывать про свои испанские пристрастия.

Да, это был большой прокол. Невозможно представить, что Петр окажется настоящим сыщиком. Да, знает она за собой особенную слабость. В минуту буйства чувственной стихии теряла голову, могла выдохнуть из пересохших губ никому не ведомое имя. Первый раз по этому поводу Петр выразил недоумение. Какой я тебе Гойя? Ты меня с кем-то путаешь. Позже, когда казус повторился, сказал шутливо, что тебе привет от Гойи. И вот — финал. И нечего сказать. Да и не стоит возражать. Все взрослые живут по-взрослому. Потомственных рефлексов, доставшихся от наших предков, никто не отменял.

Терпеливо ждала разборки своих полетов ради величия искусства, но не дождалась. Петр выложил на стол, как он сказал, билет на поезд до Карелии и приглашение работать на Валааме. Попросил присесть перед дальней дорогой. Никаких разводов и разделов не предлагал, кроме одного. Сумму собственных лет разделили пополам. Каждому досталось по шестьдесят пять.

Дурацкие обманы. Нечто вроде фокуса, а может, что-то вроде шахматной игры. Продуманный расчет с уверенностью в своем превосходстве. В дикой природе обман нередко целесообразен. Там другие ставки: жить или пропасть. Обман — беда. А люди привыкли больше процветать на

чужой беде. Обман, как живая тварь, всегда находит основания, чтобы возникнуть.

Если припомнить день последний клубной репетиции, то можно заметить первые движения этой твари. Кто-то кому-то в своей интерпретации пересказал ее телефонные беседы. Она расстроилась, озабоченная просьбой внучки. Даже переодеться не захотела. Пошла по улице в сценическом наряде. И неожиданно почувствовала, до чего же приятно пусть на чуть-чуть вернуть себе сладостные моменты молодости. Пусть и такие незначительные, как облачение в романтические одежды времен Робертино Лоретти и Магомаева. Белая кофточка нараспашку, цветастая в мелкую складочку юбка широким колокольчиком чуть выше колен, платформа, будто на высоких каблуках. Шик! Цветущая ромашка на вытоптанном черноземе.

Кто встречался на пути, смотрели на нее, приветливо улыбались, выставляли руку с поднятым большим пальцем. А эти двое возникли как из-под земли. Раскинули руки в стороны — не пройти, потом схватились за головы, будто ушибленные. Который помоложе, прикрыл рукой глаза, а старший заговорил, что смотрит бесплатное кино, а она, Маня, есть та самая кавказская пленница, которая танцевала на придорожном валуне. Немыслимые, взрывные комплименты. Растаяла от похвал, но все-таки заметила: здесь ее ждали, так как настойчиво пригласили в дом, без предисловий сообщили, что знают, чем озабочена и готовы исполнить ее желания. Очаровательные люди.

В предчувствии свершения надежд впорхнула в комнату. Перед глазами квадратный стол, на нем закуски, большой графин с носиком, как клюв у петуха. У стены на ножках телевизор, на соседнем столике компьютер, какая-то аппаратура. По одну сторону стола — высокий стул, а два других — напротив, рядышком. На свое место уселся старший, а Маня бок о бок пристроилась с младшим. Их локти соприкоснулись и каждый друг другу улыбнулся.

Старший поднялся и заговорил, что мы с тобой, Маня, знакомы. Я — Серега, а это браток — Кирюша. Он отслужил в десанте и вернулся. Брат хочет выручить тебя. Из выдвинутого ящика стола Серега взял пачку денег и выложил перед собой. Уточнил, что здесь пятьдесят тысяч. Кирюша отдает их безвозвратно.

Растерялась от фантастического предложения. Перед тобой лежат зеленноватые купюры. Протяни руку — и внучкины проблемы решены. Ужели это правда или с головой что-то не так? Негаданно, как с небес падает удача. И нет больше душевного терзания.

Серега заметил женское смятение, руку протянул к графину. Через петушиный клюв разлил в стаканчики, как он сказал, калиновый нектар, предложил выпить за добрые дела от замечательных людей. Потом налил еще, призвал принять бальзам за продолжение добрых дел.

Приятная компания всегда согреет. Когда-то на богемных посиделках рекой лилось веселье, охватывало вдохновение, услада, хотелось петь и танцевать. А если допускали шалости, то выглядели они для Мани явлением искусства высокой пробы. А разве не Маха сидит на крепком деревянном стуле за праздничным столом? Украдкой посмотрела на Кирюшу. Даже беглого взгляда хватило, чтобы различить в его лице напоминание о близком человеке. Только недостает усов. Приятно. Маха — вальяжная, утонченная, снисходительная натура. Она не станет спорить, уточнять, подозревать. Люди шагнули к ней навстречу. И она им будет благодарна.

Сергеа снова поднялся, отставил в сторону графин, встал на папку денег. Да, да, твердил он, Кирюша их отдаст тебе безвозвратно. Но есть условие. В нем никаких подвохов. Голову не надо забивать, такая мелочь. Когда надумаешь свой домик продавать, а ты надумаешь, сразу скажи нам, мы тут же купим. А эти деньги — своевременный и нужный для тебя задаток. Какую цену запросишь, не вопрос. Важно, чтобы Кирюша жил рядом. Ему надо жениться, заводить семью, хозяйство. А лучше твоего домика в округе нет. Да и ты у нас самая заветная, самая толковая из женщин.

Магическая сила не позволяла отвести глаза от денег. Слушала речь Сереги, но она не зацепляла ее внимания, рассудок. Понятно и про задаток, и про доверенность на оформление недвижимости, и про нотариуса, который может в любой момент возникнуть рядом и узаконить сделку. Слушала, а думала о внучкиной радости, когда получит сообщение о выполненной просьбе. Все остальное — обычные дела. Ребята вроде бы серьезные, не подведут.

Сергеа, наконец, умолк, присел на стул. Достал из ящика стола, где до того лежали деньги, листок бумаги и прочитал написанное на нем. Это была расписка в получении Марией Кудряшовой от Кирилла Мылина денег в счет оплаты за покупку дома. В скобках цифрами обозначилась сумма, которая лежала на столе. Подписывай и забирай свое, командовал Серега. Подписанный листок смахнул в ящик стола и снова поднялся в полный рост.

Теперь он изменился, серьезность, строгость, сошли с его лица, а в голосе растекалось удовольствие. Дела благополучно утрясли, всем за это низкий поклон и уважение, провозглашал он, разливая по стаканчикам из графина с петушиным клювом. Сначала пьем за нашу Маню, умницу и красавицу. Молодцы. Невежливо обойти тостом и удачливую внучку. За ее успех и благополучие. Она достойна нашего почтения...

Хорошие слова, но надо поскорей домой, чтоб внучке позвонить. Хотела встать, поблагодарить хозяев за то, что в трудный для нее момент так бескорыстно выручили, за их великодушие и прием. Но Сергеа сумел опередить. Начал расхваливать ее роскошный голос, услышанный на сцене клуба, просил оказать им великодушную услугу, если споет про шофера-дальнобойщика, а они подпоют.

Ну почему бы не уважить добрых людей? Песня знакомая, проникновенная. Душевные слова, красивая мелодия. Мысленно собралась, сосредоточилась, вспомнила начало и запела негромко. Братья тут же подхватили знакомый мотив и заголосили так, что ее пение утонуло в дребезге неспевшегося хора.

Нежданное прикосновение словно парализовало. Сначала обомлела, перестала шевелить губами, не знала, как поступить. В какие-то лета с ней вот так ненавязчиво, почти дружелюбно, но с явным намеком обходился парень молодой. Не девочка она, седьмой десяток на подходе.

Почему бы не хлопнуть по чужой руке, не оттолкнуть ее от себя. Или отодвинуть свой стул подальше. Можно повернуть голову к соседу, взглянуть насмешливо, саркастически в его глаза? Куда ты, паренек, занываешь? Презрительная усмешка иной раз сильнее резких слов. Да и с какой стати случайная компания, в которую вошла по важной, деловой причине, протягивает к ней незваные ручонки? Очнись, Маха!

Прошла минута, другая. Застольная песня продолжалась. После слов, озвученных захмелевшими солистами: я хочу, шофер, чтоб тебе повезло,

опустила свою ладенку, похолодевшая ладошка на сжимающие ее коленку крепкие пальцы. В тот же миг Кирюша выдернул пальцы из-под ладошки, накрыл ручонку своей лапой и перекинул ее на себя.

Голос Сереги долетал будто издали и казался совсем ненужным. Вы тут без меня обсудите, как лучше провести куплю-продажу. А я смотаюсь к нашему нотариусу, заверю все договоренности. Твой паспорт нужен, Маня. Дрожащею свободною рукой взяла из сумки паспорт.

...Вдруг музыкальная волна накрыла голову. Запел Газманов про свою морячку. Возникли штормовые ощущения. Серега весело заговорил, поспать ты, Маня, мастерица. Поднимайся, будем дело закруглять. Кирюша рассказал, что вы договорились обо всем. А ты как будто загрустила? Это не к лицу. Читай и торжествуй. Исполнилось твое желание.

Захлопала глазами как кукла. О чем договорились? Что сладилось? Задаток? Это правда. Взяла ближний листок. Доверенность. В ней просит Кирюшу исполнить оформление продажи ему своего дома при условии, что дом перейдет в его владение через сто дней после подписания доверенности. Дата, подпись, печать. Да, что-то говорили.

Другой листок. Расписка в получении от Кирюши пятидесяти тысяч рублей задатка от суммы за продажу дома. Задаток получен как заем с десятипроцентной ставки за каждый день. Если договор продажи не будет нарушен, то ставка обнуляется и задаток входит в общий счет оплаты. Если договор ею будет нарушен, то выплатит покупателю заем по ставке. Дата, подпись, печать. Понятно, зачем ломать договоренности.

Серега начал успокаивать, что все нормально, не надо сомневаться. Кирюша мужчина хоть куда, надежный. Ты ему велела ступеньки на крыльце отремонтировать, он и ушел делом заниматься. А еще ты ему предложила к себе переселиться, приглядывать там за порядком.

Серега посмотрел с умильной хитрецей и вкрадчиво спросил, а что такое Гойя? Кирюша несколько раз услышал от тебя это непонятное словцо. Хотела возразить, но получилось только — не может быть. Может, может, услышала в ответ. Серега поставил перед ней аппаратуру, которая располагалась у компьютера, нажал на кнопку. Послышался нетрезвый разговор о продаже дома, запели про шофера, снова какой-то бред, шуршание, ее возгласы: Гойя.

Глаза не поднимались на Серегу. А тот продолжил весело докладывать, что в его доме все прослушивается и просматривается. Видеокамера на столе. Вот она, в крышке графина. Если есть желание посмотреть кино, пожалуйста. При случае и в клубе перед концертом можно показать, да и в интернете повеселить людей. Но, думаю, для этого не образуется причина. Ты, Маня, умно поступила, зацепив Кирюшку. Теперь, можно сказать, он тоже хозяин в твоём доме. Твой-то бывший подвел тебя, покинул. А этот не подведет. Так что терпеливо будем ждать сто дней.

Эх, Маха, Маха, дала ты маху. Как бабочка осенняя летела на цветок, а это был костер. Крылышки, лапки подпалила, несет тебя по воле ветра. И занесло из певческой светлицы в прилично обустроенный свинарник. Кирюша быстро проявил хозяйственную хватку и сноровку. Привез откуда-то десяток визгливых поросят, уговорил на время холодов устроить их в сенах. Туда всегда открыта дверь. И резвые зверята, как ни сторожи, все равно прорываются в комнату. Нет и уже не будет от них спасения. Хоть пой, хоть вой — тупая обреченность.

Это точно, наступил час расплаты. Бывало, еще в городе отчитывала Петра за то, что под его ногами скрипела половица, когда ложилась спать,

а он проходил рядом. Своевременное бурчание в унитазе тоже раздражало. А радио — чтоб только шепотом. И вечный поиск крошек вокруг него — причуда из причуд. Демонстративно махала веником везде, где он сидел или стоял, явно намекая, что крошки — он сам. И вымела, в конце концов. Проявлялась паршивая и мелочная месть Петру за окончательную расшифровку Гойи.

Оказывается, в Махе обитала интриганка, умелая, но и трусливая. Признаться, неприятно вспоминать, как чуть не умерла от какого-то мистического страха. Над дверью звякнул колокольчик. Пошли на выход вместе с Петром. Открыли. За порогом стоял высокий, статный молодой мужчина с приметными, закрученными концами вверх усами. Позже Петр расскажет, ты, Маня, побелела лицом, как лист бумаги, за косяк схватилась, чтоб не упасть. Усатый тоже заметил нечто неожиданное для него. Извинился за внезапность появления. Объяснил, он — муж подруги Мани из соседнего райцентра. Она тоже певица. Здесь проездом. Забежал попутно, чтоб просьбу жены передать. Мы собираемся в поездку на Валаам. Жена захотела пригласить с собой Маню. Будет ждать ответа.

Волнение исчезло. Пришлось сказать, что предложение заманчивое, когда обдумает, то сообщит.

Конечно, отправиться в такой поход — мечта. Но Петр через минуту мечту разрушил. Подошел к столу, увидел экзотический пейзаж на отсеченном снимке, художника с закрученными вверх усами. И объяснил, кто приглашает в поход.

Петр как-то задавал вопрос: а почему ради искусства ты на все готова? Нашлись какие-то высокопарные слова про утверждение вокруг себя прекрасного начала, про жертвенность во имя красоты. Петр возмутился, а жертвенность при чем? Тебе необходима ширма, чтобы прятать за нее слабости и пороки.

Прав оказался Петр. Иначе не сидела бы она в свинарнике с Кирюшей.

Закончились твои концерты, Маня. И репетиции закончились. После той, последней, поехали в райцентр, на фестиваль. Расположились во Дворце культуры. Пошла посмотреть сцену. У входа кто-то тихо сказал — Маха. Подумала, что ослышалась, пошла дальше. Снова прозвучало: Маха, подожди. Подошел мужик с закрученными усами. Гойя! Ты откуда здесь? Тржусь, готовлю сцену для твоего ансамбля. Художественное оформление всего, что происходит во Дворце, моя работа. Я больше не пишу портретов. Твой был последним. Жена явилась в мастерскую, вонзилась взглядом в наш шедевр, заревновала, взбесилась. Приказала, или я сейчас ножом кромсаю полотно, или замазываю лицо дамочки и вместо него пишу ее физиономию. Новую картину повесили в ее спальне. Пришлось исполнить. Прости, Махи больше не существует, есть Маня, талантливая, милая певица.

Вот так: думаешь, что ты на небесах, а по сути, ты там и не была, обитала со всеми на земле. С фестиваля возвращалась поздно. В доме горел свет и было шумно. Кроме Кирюши и Сереги за столом сидели двое незнакомых бравых мужиков. Серега представил их как своих напарников по делу. Ее назвал местной знаменитостью и самой доброй женщиной на свете. Усадили за стол, предложили выпить за лучшую артистку. Серега напомнил про успешно начатый вместе с ней стодневный марафон, сказал, что надо его закрепить, подняв стаканы. Из мужского разговора

поняла, приедем нужен склад. На время затащат туда несколько мешков с дорогими семенами, но об этом никому ни слова.

Да нет ей дела до чужих мешков. А семена успела разглядеть, когда споткнулась о мешки. Из них торчали сухие стебли мака.

Застолье затянулось. Дошло до песни. Пришлые мужики просили спеть про Любу-Любоньку, целую твои губоньки. Попробовала возразить. Лучше спеть, как зорька золотая светит над рекой. Но мужики были настойчивы. Пришлось придать огня веселью. Включили музыку. Начались пляски. От усталости и выпитого закружилась голова, ослабли ноги. Помнит, как выдернула из розетки шнур магнитофона. Кирюша и Серега ушли, а мужики остались.

Под утро, еще затемно, раздался стук в окно. Очнулась, еле встала. Пришла сестра, высказала замечание: вижу, что опять гулянка, за порядком не следишь, свинюшки сени засорили. Маня, так нельзя. Сплетни про тебя пошли. Вчера сказать хотела, но тебя дома не застала. На остановке, рядом с автолавкой, собралась толпа людей. Серега разглагольствовал, что купил у тебя дом, оформил на себя. Пока в нем поселил Кирюшу. Оказывается, Кирюша сидел в колонии, недавно освобожден, нанялся в помощники к Сереге. Серега говорит, что дом ему не нужен, нужна усадьба под ферму для свиней. Так что в деревне будет скоро собственное сало. Своим покупателям со скидкой. А одна женщина сказала, что сало хорошо, но наш хор развалится без Мани. Она же лучшая певунья. Серега помахал рукой перед собой, выражая несогласие, добавил словами, от которых мне стало дурно, что вместо одной шалавы найдется другая. Я возмутилась, как ты смеешь. А он с усмешкой: есть доказательства.

В окне промелькнул Кирюша, привез на тачке от Сереги корм для поросят. Вошел в комнату без стука в дверь, поприветствовал сестер. Поинтересовался, как здоровье, Маня? Мужики ночью перед отъездом заходили, похвастались, что ты им очень по душе. Обещали наведаться к тебе через неделю. Жди.

Сестра резко поднялась со стула, хлопнула дверью, ушла. Терпению пришел конец. Спектакль окончен. Невыносимо играть надуманную роль. Нет больше Махи. Нет больше накрученного на себя чужого отражения. В печку все эти зашифрованные фотографии. Надо звонить Петру. А больше некому. Кругом, как он говорил, одни пришельцы. Немедленно звонить...

* * *

Все, кончились прогулки. Машина у самого крыльца. Заехала на любимую полянку из пышной муравы. Рухнуть бы, раскинув руки, на пружинистый ковер осеннего спорыша, уткнуться носом в его мельчайшие, поздние бело-розовые цветочки и вдыхать до бесконечности свежие запахи невиданных столетий.

В нависшей тишине раздался тягостный, унылый, долгий звук, похожий на последний, безнадежный вздох кого-то уходящего из жизни. В этом вздохе, казалось, сосредоточилась огромная невысказанная боль всего живого, попавшего в беду. Звук повторился и навсегда остался в ушах и памяти. Маня догадалась, чей это голос. Приходилось наблюдать, как у озерца за огородом голодный уж заглатывал лягушку. Уж никогда не сможет подавиться. Лягушка может только жалостливо, горько плакать. А люди такие, какие они есть. Других, получше, не предвидится.

АНТИЦИКЛОН

Оставались считанные дни до начала осени. Раскаленное лето не родило ни одного влажного облачка. Но и в пору наступления зябких утренников, затяжной мороси, грибных туманов, плотных и тяжелых, как набрякший водой свежий снег, ничего не изменилось. И только деревья, до времени потерявшие зеленый наряд, стояли как в пору осеннего ненастья.

Город, лежащий среди тучного чернозема, перестал походить на себя. Не случилось в этом году настоящей весны. Не было мягкого теплого лета с громами и молниями. И вот теперь не ладилась осень.

Жара продолжала полыхать. Ветер с небывалым постоянством тянул с безлесной южной стороны, посыпая землю горячей пылью. Густой зной призрачными глыбами опускался в тягучую задохнувшуюся воду озер и речек и сосал ненасытно парную влагу, обездоливая берега.

Метеосводка объясняла, что над Черноземьем образовался необычно устойчивый антициклон. Он препятствовал движению прохладных и влажных масс с Атлантического океана. Зато открывался путь сухому, раскаленному воздуху из Средней Азии, Прикаспия и даже пустынь Африки. Никто не мог объяснить, почему образовался такой мощный и устойчивый антициклон. Ученые говорили, что для этого нужно детально изучить процессы взаимосвязи океана и атмосферы, особенности солнечной деятельности.

Погода продолжала своевольничать, не считаясь ни с какими закономерностями. Громадное водохранилище, разлившееся у подножия города, не принесло облегчения. Ветер поднимал целые облака испаряющейся влаги и бросал их на город, как на раскаленные камни гигантской парильни.

Но вот, наконец, среди октября грянула гроза. Ливень был такой силы, что выхлестывал окна, ломал вершины и крупные ветки деревьев. По асфальту бурлили серые пузыристые потоки. Ни пройти, ни проехать. В такие дни в былые годы я поскорей уходил в лес. И не было благодатнее поры для охоты за опенками. Не изменять же и теперь привычке.

На следующий день, чуть свет, шел на знакомую вырубку. От сильного дождя грейдерная дорога расползлась. Первые машины буксовали на ней, скатываясь на обочину в тусклые лужи. А в двух шагах сумрачно молчала голая дубрава. Но здесь словно и не было дождя. Опавшие листья плотно упаковали землю. Влага не добралась даже до середины похруывающего под каблуком, как первый тонкий ледок, слежавшегося покрова. Под листьями земля была сухой и рассыпчатой, словно легкий пепел. И только почерневшие стволы дубов и обуглившиеся, пряные пласты осиновых листьев напоминали о ливне.

Вырубку было не узнать. Пни оказались иссушенными настолько, что на них перестал расти мох. Ветер выдул из-под чахлах обрубков землю, обнаружив скрюченные корни, вцепившиеся в обнаженный песок.

В прошлые годы пеньки прятались в высокой траве. Всюду пробивались молодые деревца и кустарники. Сейчас вырубка выглядела угрюмо. Большие и малые коряжины остывшими головешками топорщились над поляной.

Безголосо дремал лес. И все, что прежде делало вырубку привлекательной, наполняло тихой радостью, исчезло. Здесь грибами и не пахло, хотя кругом было много ложбин.

Солнце поднялось над лесом и усилило впечатление запустения. Редкие неопавшие, высохшие листки начинали трепетать от налетевшего ветра. Они вытягивались в одну сторону, как маленькие, гудящие от напряжения флажки, и больше не умолкали. Возвращался антициклон.

Я вышел к разбитой дороге. По ее обочине, поскрипывая на кочках, медленно катились дрожки. На них — бочка. Мужчина, сидевший на охапке сена, привалился к ней спиной и подремывал, а крупный конь шагал лениво, словно спал на ходу.

Заметив меня, мужчина обернулся. На фуражке обозначилась ветвистая кокарда. Лесник. Он грустно улыбнулся и кивнул на мою пустую корзину.

— За грибами, что ли? Какие нынче грибы. Вода из колодца ушла. А дождь, что слезы.

— Не повезло, пошел по привычке, — ответил я.

— Пора такая, что и привычки менять надо. А ты садись, все не пешком, — и лесник хлопнул рукой возле себя.

Кордон лежал у меня на пути. Колеса неспешно перекатывались по пружинистому настилу из спрессованных листьев. Лесник оказался человеком разговорчивым и интересным. Не обращая ко мне, он говорил так, словно вел с кем-то уже давно начатую беседу.

— Погода у нас совсем испортилась. В огороде сплошная пыль. За водой приходится ехать к озеру. Видно, что-то сломалось в той самой механике, откуда погода выходит.

Почему, скажем, такая сушь подступила? Объясняют всяко. И причины будто в облаках и звездах. А я думаю, что дело тут в самой земле. Все твердят, что в жизни каждая букашка у места. Согласен. Тогда ради чего у меня во дворе на цветах появилось чудо заморское? Сам видел. Насекомое или пташка — не понять. Острыми крылышками по-птичьи машет. Клюв как иголочка. Глазенки блестящие, бойкие. Хвостик веером, две тонюсенькие ножки болтаются. Ростом со шмеля. А красив! Сынишка поймал, показал учителю. Тот бражником назвал. Название какое-то веселое. Эта диковина приспособлена жить в пустыне. Выходит, что у меня во дворе пустыней запахло? Как тут быть? Отчего такая загвоздка? Пишут — вся беда из-за антициклона. А кто его послал сюда?

Лесник на короткое время умолк. На его лице появилось лукавое выражение. Казалось, он терпеливо выслушивает чей-то наивный вопрос, на который уже давно знает правильный ответ. И, уже обращая ко мне, продолжил свой монолог:

— А что самое главное для общего порядка вещей в природе? Равновесие. Во всем. Где-то положено быть вечному льду, а в противоположном месте — песок горячий. Иначе и быть не может. Мороз в равновесии с жарой, влага — с сухью. Это как полюса. А между ними все остальное по порядку располагается. От этого и климат в каждом месте особенный и постоянный. Если сломить равновесие, то все пойдет кувырком. Вот и жара уже давно к нам подбирается. Воды все меньше. Кто-то предлагал растопить полярные льды, чтобы на севере стало теплее, а у нас воды прибыло. Оказалось — чепуха. Землю затопит и везде станет сыро и мрачно, как в тумане. А я так рассуждаю: если нельзя трогать лед, то какой резон избавляться от пустыни? Знаем, что пустыня — первый враг людей. А уничтожь это пекло, что будет уравнивать холодные пространства? Холод одолеет. Но в том-то и дело, что — пустыня свое не теряет. Наступи на ее край, она в другую сторону качнется. Закон у земли должен быть

такой. А жара передвинется туда, где для нее сопротивление меньше. Подсаживали мы деревьев, подсаживали, а песочка в последние годы у нас все равно прибавилось. И этот антициклон неспроста дует...

До кордона оставалось недалеко. Там, почуяв хозяина, залаяла собака. И лошадь встрепенулась, пошла скорее. У поворота к усадьбе я соскочил с телеги.

Сетования лесника мне были понятны. Я согласился с его рассуждениями о мировом равновесии, хотя, возможно, они были не совсем научны. Но зацепили меня за душу не слова с мудрой догадкой наблюдательного человека. От той догадки ничего не изменится. Красивая теория. Кто с ней считается? А вот о деревьях... Они не в пустыне, а рядом с нами, и в этом лесу, и в другом, и на берегу реки, которую берегут от зноя. Они-то берегут...

Сразу припомнилась весенняя прогулка по недалекой отсюда приречной тополиной роще. За три года деревья набрали силу, закустились, бросили на обрывистый берег тень, укрепили песчаное побережье. А тут прямо на полосе — огромное колхозное стадо коров. И нет тополей.

— Вы сажали эти деревья? — спросил я тогда пастухов.

— Нет, — ответили они, — а в чем дело?

— Нельзя же так варварски с посадками.

— Ну, это скажите коровам. Они есть хотят. А мы из другого района, нанялись здесь на время.

Вот как бывает: тут на время, там на время, тут чужое, там чужое, и никакой печали о земле.

Впереди, между темными стволами, уже открывался просвет над полем и белела березовая лесополоса. И здесь, недалеко от опушки, между деревьями копытами коров были пробиты глубокие тропы. Все до одного кустики оказались обглоданными. От свежих посадок на краю поля остались одни размыченные сучки.

Спрятав пустую корзину в рюкзак, я вышел на залоснившуюся дорожку. Грязи как не бывало. Воздух над дорогой закиселился. Ветвистые дубы гудели от сильного ветра.

